

На правах рукописи

Ерохин Виталий Викторович

**СТАНОВЛЕНИЕ ЦЕРКОВНЫХ ИНСТИТУТОВ
В УССУРИЙСКОМ КРАЕ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.**

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Москва – 2012

**Работа выполнена на кафедре Истории России и архивоведения
НОУ ВПО «Православный Свято-Тихоновский гуманитарный
университет»**

Научный руководитель: кандидат исторических наук
Цыганков Дмитрий Андреевич

Официальные оппоненты: доктор исторических наук, профессор
Еланцева Ольга Павловна
доктор исторических наук, доцент
Полунов Александр Юрьевич

Ведущая организация: **Московский государственный областной
университет**

Защита диссертации состоится «___» _____ 2012 г. в _____
часов на заседании Диссертационного Совета ДМ 521.086.01 при
Православном Свято-Тихоновском гуманитарном университете по адресу:
113184 г. Москва, Новокузнецкая, 23-б.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Православного
Свято-Тихоновского гуманитарного университета по адресу: 115184 г.
Москва, Новокузнецкая, 23-б.

Автореферат разослан «___» _____ 20__ г.

Ученый секретарь Диссертационного
совета кандидат философских наук,
доцент

К.О. Польсков

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. Настоящая работа посвящена истории становления церковных институтов в Уссурийском крае во второй половине XIX – начале XX вв.

Интерес к данной теме продиктован несколькими обстоятельствами. Во-первых, этот регион привлекает внимание исследователей с точки зрения церковного строительства и создания новых епархий православной церкви в синодальный период. Дело в том, что в силу ряда причин во второй половине XIX – начале XX вв. в Сибири и на Дальнем Востоке происходило преобразование церковного управления. Этот процесс хронологически совпал с институализацией православной церкви в Уссурийском крае, разукрупнением Камчатской епархии и созданием Владивостокской епархии. Во-вторых, актуальность темы обусловлена тем, что на примере деятельности церковных институтов в Уссурийском крае можно показать государственно-церковное сотрудничество и влияние различных привходящих обстоятельств на принятие синодальных решений в центре империи. В-третьих, изучение истории становления институтов православной церкви в крае важно в связи с особенностью этого региона как «контактной территории» между русской и иноэтничными культурами (прежде всего китайской, корейской и японской), что позволяет получить важные сегодня данные, которые дают возможность выйти на теоретические выводы и обобщения, касающиеся не только регионального, но и общероссийского масштаба.

Объектом исследования являются церковно-государственные отношения в России во второй половине XIX – начале XX вв.

Предмет исследования – возникновение и становление институтов Русской православной церкви на территории Уссурийского края на материалах Камчатской, Благовещенской и Владивостокской епархий.

Целью работы является комплексное рассмотрение деятельности церковных институтов в Уссурийском крае (епархиального управления, приходов, монастырей и миссионерских учреждений).

Для достижения указанной цели автор ставит следующие **задачи**:

1. Рассмотреть процесс становления епархиального управления на территории Уссурийского края.
2. Изучить создание в регионе сети православных приходов и выявить основные проблемы их деятельности в условиях реализации государственной программы переселения в Уссурийский край.
3. Исследовать значение монастырей Владивостокской епархии как центров русского монашества, с одной стороны, и их роль в духовно-просветительской и хозяйственно-экономической деятельности региона – с другой.
4. Дать характеристику деятельности Владивостокской корейской миссии и основных направлений миссионерской и

культурно-просветительской деятельности православной церкви среди аборигенов и мигрантов.

Хронологические рамки исследования охватывают период с начала 1850-х по 1917 гг. Они определены, с одной стороны, началом деятельности православных священнослужителей в составе Амурской экспедиции по изучению Уссурийского края, а с другой стороны, 1917 годом – временем упразднения синодальной системы и изменения церковно-государственных отношений в России.

Географические рамки исследования включают в себя Уссурийский край, присоединенный к России в 1858–1860 гг., воспринимавшийся в реалиях второй половины XIX – начала XX вв. как единый историко-культурный район, граничивший на севере с правобережьем р. Амур, на востоке – с Татарским проливом и Японским морем, на западе – с реками Усури, Сунгача и озером Ханка, на юге – с Кореей и Китаем¹. Северная и южная часть Уссурийского края имели тесное взаимодействие в социальном, экономическом и культурном отношениях.

Историография темы. В дореволюционный период в обобщающих трудах по истории церкви в России закладывались основные подходы к изучению церковно-государственных отношений на Дальнем Востоке². В этих исследованиях сведения о становлении церковных институтов в Уссурийском крае или совсем отсутствуют, или крайне фрагментарны, однако при этом историки показывают связь между процессом присоединения к России Сибири, Забайкалья, Якутии, Камчатки, Приамурья, Приморья и распространением здесь православия, подчеркивают государствообразующее и культурное значение деятельности церкви на окраинах империи. Развитие этого подхода можно обнаружить в работе иеромонаха Нестора (Анисимова), который охарактеризовал основные этапы истории распространения православия в Сибири и на Дальнем Востоке, показав в общих чертах вклад архиереев в решение задач присоединения к России новых территорий в XVI–XX вв.³ В работе имеются краткие сведения о Владивостокской епархии, ее границах, численности приходов, храмов и школ, о братствах, миссионерской деятельности, личных заслугах епископа Евсевия (Никольского). Во второй половине XIX в. также происходило накопление фактического материала по теме, прежде всего статистического⁴.

¹ Уссурийский край // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1902. Т. XXXV. С. 27–32.

² Макарий (Булгаков), митрополит. История русской церкви: в 12 т. СПб., 1881–1890; Знаменский П. В. История русской церкви. М., 1996; Он же. Приходское духовенство на Руси. Приходское духовенство в России со времен реформ Петра I. Казань, 1873; Доброклонский А. П. Руководство по истории Русской Церкви. М., 1999.

³ Нестор (Анисимов), иеромонах. Православие в Сибири // Вернувшийся домой: жизнеописание и сборник трудов митрополита Нестора (Анисимова). Т. 1. М., 2005. С. 138–189.

⁴ Громов Прокопий, протоиерей. Историко-статистическое описание камчатских церквей. Петропавловск-Камчатский, 1998. Репринт издания 1857 года; Покровский И. М. Русские епархии в XVI–XIX вв., их открытие, состав, пределы. Казань, 1913; Преображенский И. Отечественная церковь по статистическим данным с 1840–41 по 1890–91 гг. СПб., 1897; Рункевич С. Г. Русская Церковь в XIX веке. СПб., 1901. Он же. Владивостокская епархия // Православная Богословская энциклопедия в 10 т. СПб., 1901. Т. 3. Стлб. 533; Он

Крупным событием в изучении темы стала публикация секретаря Владивостокской духовной консистории А. Г. Разумовского⁵. В его исследовании впервые были введены в научный оборот разнообразные исторические источники по теме: архивные и текущие дела Владивостокской духовной консистории, фонд епархиального училищного совета, официальные отчеты и другие документы. Автор показывает конкретные примеры из деятельности институтов синодальной системы на епархиальном уровне (епархиального архиерея, консистории, миссионерского комитета, приходов, монастырей и др.), приводит статистику, указывая на факты взаимодействия между государством и церковью в строительстве храмов.

Вышеназванное исследование в какой-то степени продолжили труды клириков Владивостокской епархии. Так, священник Григорий Ваулин написал историю становления Свято-Троицкого мужского монастыря, рассмотрев вопросы внешнего устройства обители и ее внутренней жизни: устав, богослужение, духовную жизнь⁶. Исследователь анализирует сотрудничество между органами власти Приморской области и монастырем в вопросах социальной и культурно-просветительской деятельности среди русских переселенцев. Иеромонах Павел (Ивановский) (впоследствии – епископ) обратился к изучению миссионерских институтов в Приморье⁷. Обобщая историю развития православной миссии в корейских станах Южно-Уссурийского края с 1865 по 1904 годы, он высказал критику в адрес государственных представителей, считавших миссионерские учреждения инструментом правительства по ассимиляции корейцев. В его работе были приведены примеры успехов миссионеров, вероисповедная статистика по корейским селениям. В том же ключе выдержан неизданный труд специалиста-корееведа Г. В. Подставина⁸. Уникальность данных работ состоит в том, что они созданы живыми свидетелями событий. Но данные исследования ограничены временными и территориальными рамками.

В работах чиновников Приамурской и Приморской администраций приведены примеры участия государства в строительстве церквей, монастырей, открытии приходских школ, которые свидетельствуют о поступательном процессе колонизации⁹ и роли церкви в этом процессе.

же. Камчатская епархия // Указ. соч. Т. 8. Стб. 230–235; Он же. Благовещенская епархия // Указ. соч. Т. 2. Стб. 623–632 и др.

⁵ Разумовский А. Владивостокская епархия за первые пять лет ее существования (1899–1903) // ВЕВ. 1905. № № 3, 5–8, 11, 14–17, 19–23. 1906. №№ 1–5, 7–13, 16, 17. Он же. Владивостокская епархия за первые пять лет ее существования (1899–1903). Симферополь, 1906.

⁶ Ваулин Григорий, священник. Первая обитель на Дальнем Востоке. Владивосток, 1903.

⁷ Павел (Ивановский), иеромонах. Краткий очерк развития миссионерского дела среди корейцев Южно-Уссурийского края. // История Российской духовной миссии в Корее. М., 1999. С. 115–150.

⁸ Подставин Г. В. Школьное дело в корейских селениях Янчихинской и Адиминской волостей Никольск-Уссурийского уезда Приморской области. [Владивосток], 1912. Рукопись.

⁹ Буссе Ф. Ф. Переселение крестьян морем в Южно-Уссурийский край в 1883–1893 годах. СПб., 1896. Сильницкий А. Культурное влияние Уссурийской железной дороги на Южно-Уссурийский край. Хабаровск, 1901; Унтербергер П. Ф. Приморская область. 1856–1898 гг. СПб., 1900.

Определенным продолжением дореволюционных традиций написания работ по истории церкви стали труды русских историков-эмигрантов¹⁰. В их работах были приведены некоторые новые сведения о Владивостокской епархии и ее первом архиерее.

После 1917 года советские исследователи рассматривали Русскую православную церковь и ее институты как один из инструментов управления в иерархической системе власти¹¹. Пристальное внимание уделялось экономической истории церкви (использование церковных доходов и монастырских богатств, деятельность коллегии экономии, борьба вокруг мер секуляризации и проч.), что вполне понятно в контексте насаждавшегося в стране марксизма. Церковно-государственные отношения рассматривались в общероссийском масштабе на выборочных примерах из различных регионов, при этом сведения из дальневосточной части страны практически не использовались. Во многом достижения советских историков в изучении церковно-государственных отношений обобщены в коллективной монографии «Русское православие: вехи истории»¹².

В историографической традиции регионального уровня вплоть до конца 1980-х гг. господствовал односторонний, упрощенный классовый подход в понимании роли Русской православной церкви: она рассматривалась как инструмент русификации на окраине империи¹³. Поворотным пунктом в расширении проблематики церковно-государственных отношений, характерной для советских региональных исследований, стало создание двухтомной «Истории Дальнего Востока СССР»¹⁴, в которой представлены основные этапы развития дальневосточных земель России, особенности административного строительства и колонизационной политики в Приморье. В этом труде на отдельных примерах из деятельности епископа Камчатского Иннокентия (Вениаминова) и развития школьного обучения в крае, пожалуй, впервые в советской историографии дается взвешенная оценка роли церковных институтов в освоении региона.

С начала 1990-х гг. проблематика, связанная с изучением истории Русской православной церкви становится все более популярной у исследователей Дальнего Востока, так как она кардинальным образом меняет оптику научных приоритетов. Ученые рассматривают такие вопросы, как колонизация, становление в крае русской традиционной материальной и

¹⁰ *Карташев А. П.* Русская Церковь периода империи // Церковь, история, Россия. М., 1996. С. 168–182; *Он же.* Очерки по истории Русской Церкви: в 2 т. Т. 2. М., 1997; *Смолич И. К.* История Русской Церкви (1700–1917). Т. VIII. М., 1996 и др.

¹¹ *Никольский Н. М.* История русской церкви. М., 1931; *Кандидов Б. П.* Церковь и самодержавие. М., 1937; *Грекулов Е. Ф.* Церковь в истории России (IX – 1917 г.): критический очерк. М., 1967; *Зыбковец В. Ф.* Национализация монастырских имуществ в Советской России (1917–1921 гг.). М., 1975 и др.

¹² Русское православие: вехи истории. М., 1989.

¹³ *Кусакин А. А.* Антиклерикальное движение дальневосточного крестьянства в годы первой русской революции // Проблемы аграрной истории Дальнего Востока. Хабаровск, 1974. С. 66–76; *Жданова Е.* Камчатское православное братство (1910–1917 гг.) // Наука и религия. 1973. № 4. С. 69–70.

¹⁴ История Дальнего Востока СССР в 2 т. Т. I. М., Наука, 1990.

духовной культуры, создание сети начальных школ, отмечая вклад в эти процессы церкви и ее представителей.

Одновременно меняется программа исследований по истории Русской православной церкви синодального периода в целом. Так, Джемс Каннингем на основе отчетов обер-прокуроров, отзывов епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе сделал попытку доказать, что церковь в синодальную эпоху, но особенно в начале XX в., не была умирающей союзницей и «служанкой государства», замкнутой в себе. По мнению историка, она в живой дискуссии с государством пыталась найти ответы на сложные вызовы времени при быстро изменяющихся политических условиях¹⁵. Американский исследователь Г. Фриз предложил судить о степени церковно-государственных отношений не только по уровню развития церковных институтов или состоянию духовенства, но с позиции воздействия на государственную политику «сугубо религиозного элемента», используя для этого материалы по канонизации святых начала XX в., в чем он увидел инструмент политической и социальной консолидации самодержавия с народом¹⁶.

Также по-новому прочитывают проблематику церковно-государственных отношений и отечественные историки – В. А. Федоров, А. Ю. Полунов, С. В. Римский, С. Л. Фирсов и др.¹⁷. Так, А. Ю. Полунов, характеризуя взгляды и деятельность обер-прокурора Синода К. П. Победоносцева, имевшего серьезное влияние на политику двух последних российских императоров, вскрыл глубинные проблемы во взаимоотношениях церкви с государством и церкви с обществом во второй половине XIX – начале XX вв. Он показал, что в политике «идеологического обеспечения» государственных задач обер-прокурор отводил «важнейшее, если не главное, место» церкви, в которой он видел основной рычаг «внутреннего перерождения» людей, призванных решить острейшие проблемы российской действительности¹⁸. Это не была привычная политика обер-прокурорского утилитаризма по отношению к церкви, поскольку к воплощению в жизнь намечалась обширная программа социальных акций церкви, школьных и издательских программ. Однако к их выполнению, по замечанию исследователя, клирики подключались вяло и неохотно, вследствие того, что в управлении самой церковью обер-прокурор отказывался вводить начала самоуправления и автономии, доведя «синодальный бюрократизм» до апогея. На эту же проблему обращает внимание С. И. Алексеева, которая делает

¹⁵ *Cunningham J. W.* The Vanquished Hope: the Movement for Church Renewal, 1905–1906. Crestwood, NY, 1981. Издание на русском языке: *Каннингем Дж. В.* С надеждой на Собор. Лондон, 1990.

¹⁶ *Фриз Г.* Церковь, религия и политическая культура на закате старой России // *История СССР.* 1992. № 2. С. 107–119.

¹⁷ *Полунов А. Ю.* Под властью обер-прокурора: Государство и Церковь в эпоху Александра III. М., 1996; *Римский С. В.* Русская православная церковь в XIX в. Ростов-на-Дону, 1998; *Федоров В. А.* Русская православная церковь и государство. Синодальный период. 1700–1917. М., 2003; *Фирсов С. Л.* Церковь в империи. Очерки из церковной истории императора Николая II. СПб., 2007 и др.

¹⁸ *Полунов А. Ю.* Константин Петрович Победоносцев – человек и политик // *Отечественная история.* 1998. № 1. С. 49–51.

вывод о том, что несовпадение сферы действия канонического права православной церкви с законодательством Российской империи обостряло межведомственные противоречия в отношениях Синода с остальными органами власти¹⁹.

Получив общие выводы о церковно-государственных отношениях на уровне центральных органов власти, региональные историки попытались на местном источниковом материале изучить подобные проблемы. Одной из первых к этой теме на материалах Дальнего Востока пришла М. Б. Сердюк, которая рассмотрела проблему государственно-церковного диалога в регионе в период его колонизации²⁰. Автор представила в общих чертах формирование и развитие основных религиозных организаций Приморья, уделив особое внимание православной церкви, и пришла к выводу, что на их становление определяющее влияние оказывали переселенческая и конфессиональная политика империи, которая была обусловлена геополитическими интересами страны в регионе.

С начала 2000-х годов новая для 1990-х гг. тематика церковно-государственного сотрудничества в регионе развивается в отдельных диссертационных исследованиях²¹ и богатых фактическим материалом краеведческих работах²². Новое осмысление получает тема епархиального строительства в Сибири и на Дальнем Востоке²³. Так, Е. А. Капанова проанализировала территориально-административное устройство нескольких епархий Дальнего Востока России, создание различных епархиальных институтов (сеть приходов, монастырей, благотворительных учреждений, миссионерских комитетов, церковно-приходских школ и др.). Исследовательница показала, что развитие здесь институтов церкви сдерживалось рядом факторов, среди которых она назвала удаленность от центра, огромные территории епархий, пассивную кадровую и финансовую политику государства и Синода.

Противоречивость в церковно-государственных отношениях второй половины XIX – начала XX вв., проявлявшуюся в конфликтных взаимоотношениях власти и ряда архиереев на Дальнем Востоке, показал сибирский историк А. В. Ремнев²⁴. Исследователь сделал вывод, что

¹⁹ Алексеева С. И. Святейший Синод в системе высших и центральных государственных учреждений пореформенной России 1856–1904 гг. СПб., 2006.

²⁰ Сердюк М. Б. Религиозная жизнь Дальнего Востока (1858–1917) : автореф. дисс.... канд. ист. наук. Владивосток, 1998.

²¹ Курбатов О.А. Русская Православная Церковь на Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX вв. : автореф. дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 2003; Капанова Е. А. Развитие церковно-административного устройства и управления Русской Православной Церкви на Дальнем Востоке России (1840–1918 гг.): автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Благовещенск, 2003 и др.

²² Мизь Н. Г., Бужков А. М. Вековой юбилей. Владивосток, 1999; Мизь Н. Г., Стратиевский О. Б. Страницы истории Православия в Южно-Уссурийском крае. Владивосток, 2004; Арутюнов Г. Б. Православные храмы Владивостокско-Приморской епархии. Ростов-на-Дону, 2006 и др.

²³ Наумова О. Е. Иркутская епархия. XVIII – первая половина XIX века. Иркутск, 1996; Косых В. И. Забайкальская епархия накануне и в годы первой российской революции. Чита, 1999; Шишигина Е. С. Якутская епархия (Краткий исторический очерк). Якутск. 1997; Костанов А. И. Русская православная церковь на Сахалине и Курильских островах: исторический очерк. Южно-Сахалинск, 1992 и др.

²⁴ Ремнев А. В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX веков. Омск, 2004.

государственно-конфессиональные отношения в крае исходили из практической пользы. Если в центральной России было стремление поддержать православную церковь, ограничить деятельность старообрядцев и сектантов, то в переселенческие районы Приамурского и Уссурийского краев те же религиозные меньшинства, напротив, привлекались, поскольку рассматривались как надежный колонизационный элемент. Впрочем, по мнению автора, все это логично вписывалось в особую имперскую политику закрепления России на естественных рубежах Амура и Уссури, где институты Русской православной церкви (в первую очередь приходы) должны были стать важнейшим фактором русского культурного освоения региона.

Следует заметить, что тема культурного влияния православной церкви в крае, одним из которых стала ее миссионерская деятельность, в общих чертах исследована неплохо. Так, роль духовенства в процессе освоения юга Дальнего Востока России и интеграции региона в общеимперское пространство во второй половине XIX – начале XX вв. разработана в диссертации А. Н. Смагина²⁵. Изучая деятельность приходских священнослужителей Амурской и Приморских областей через призму государственной политики в ее культурном аспекте, исследователь реконструировал процесс строительства православных храмов и монастырей в переселенческой среде с учетом развития территориально-административного устройства Русской православной церкви в Амурской области, Северо-Уссурийском и Южно-Уссурийском округах и на Камчатке. По мнению А. Н. Смагина, православное духовенство обеспечило закрепление на осваиваемой территории православных переселенцев и внесло значительный вклад в освоение новой русской территории. Отмечая многие достоинства работы А. Н. Смагина, следует сказать, что материал, касающийся церковных институтов Уссурийского края, используется в ней очень неравномерно, что не позволяет воссоздать целостную картину церковного строительства в регионе. Можно согласиться с замечанием автора о том, что история Русской православной церкви в дальневосточной части России и история отдельных епархий, функционировавших здесь, еще не написаны.

Дополнительный материал для понимания выводов работы А. Н. Смагина дают отдельные исследования миссионерских институтов Русской православной церкви в Уссурийском крае²⁶. Миссионерская и просветительская деятельность церкви в этих работах также рассматривается в контексте переселенческих и геополитических интересов государства на

²⁵ Смагин А. Н. Роль православного духовенства в освоении юга Дальнего Востока России во второй половине XIX – начале XX вв. : автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Владивосток, 2006.

²⁶ Православие на Дальнем Востоке. СПб., 1993; *Ипатьева А. А.* Миссионерская деятельность Русской Православной Церкви на юге Дальнего Востока во второй половине XIX – начале XX вв. : автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Красноярск, 1999; *История Российской духовной миссии в Корее.* М., 1999; *Августин (Никитин), архимандрит.* Русская Православная Миссия в Корее // Миссионерское обозрение. 1999. № 1. С. 15–17 и др.

Дальнем Востоке²⁷, дается формальная оценка результатов этих усилий; изучается миссия церкви как среди аборигенов восточных окраин страны, так и среди прибывающих в нее мигрантов; заметное внимание уделяется истории православной миссии среди корейцев²⁸. Практически для всех работ по этой теме характерен взгляд на церковную деятельность в контексте русификации местной культуры и быта иммигрантов, а миссия сама по себе признается малоэффективной с точки зрения последствий христианизации коренных и некоренных народов России. Возможно, для объективной оценки проблемы следовало бы посмотреть на эти процессы с позиции церковного, а не государственного строительства.

Несмотря на начавшийся многосторонний процесс изучения становления церковных институтов на Дальнем Востоке, следует отметить, что некоторые проблемы как церковно-государственных отношений, так и собственно церковной истории региона, которые уже получили освещение в работах на материалах епархий Сибири и Центральной России²⁹, не нашли достаточного отражения на местных источниках. Одним из важнейших в связи с этим следует назвать вопрос о создании приходской сети, взаимоотношениях духовенства и верующих, роли клириков в политико-общественной жизни страны и пр.³⁰. Частично эти вопросы затрагиваются в работах И. В. Кодолы, которая рассматривает деятельность приходских священников и их влияние на религиозность крестьянской среды в рамках формирования культурных условий амурской деревни во второй половине XIX – начале XX в.³¹. О. Б. Лынша обращает внимание на важные труды

²⁷ Моренко В. К. К вопросу о миссионерской деятельности Русской Православной Церкви на Дальнем Востоке // Исторический опыт освоения восточных районов России. Кн. 2. Владивосток, 1993. С. 168–170; Ванина И. Ю. Роль миссионеров Русской Православной Церкви в освоении восточных районов России // Там же. С. 163–165; Рыкунова Г. А. Из истории заселения юга Дальнего Востока в 50–60-е годы XIX в. // Там же. С. 41–43 и др.

²⁸ Белов М. В. Русская православная церковь и корейцы (1865–1917) : автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1995; Петров А. И. Корейцы на русском Дальнем Востоке в эпоху российского капитализма (1861 – февраль 1917 гг.) : автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Владивосток, 1998; Чо Чон Хван. Русская православная миссия в Корее. М., 1997; Торопов А. А. Миссионерская деятельность Русской Православной Церкви на юге Дальнего Востока среди корейцев // Межконфессиональные отношения на Дальнем Востоке России. Владивосток, 2002. С. 148–153; Мизь Н. Г. К истории православного миссионерства среди корейцев Южно-Уссурийского края // Межконфессиональные отношения на Дальнем Востоке России на рубеже тысячелетий. Владивосток, 2002. С. 154–158 и др.

²⁹ Зольникова Н. Д. Сословные проблемы во взаимоотношениях церкви и государства в Сибири (XVIII век). Новосибирск, 1981; Есипова В. А. Приходское духовенство Западной Сибири в период реформ контрреформ второй половины XIX века : автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Томск, 1996; Розов А. Н. Священник в духовной жизни русской деревни. СПб., 2003; Мухин И. Н. Приходское духовенство в пореформенной России (по материалам Егорьевского уезда Рязанской епархии). М., 2006; Белоногова Ю. И. Приходское духовенство и крестьянский мир в начале XX века (по материалам Московской епархии). М., 2010 и др.

³⁰ Фирсов С. Л. Русская Церковь накануне перемен (конец 1890-х – 1918 гг.). М., 2002; Он же. Православная церковь между двумя революциями (1905–1917 гг.) // Церковь в империи. СПб., 2007. С. 134–135, 140; Леонтьева Т. Г. Вера и бунт: духовенство в революционном обществе России начала XX века // Вопросы истории. 2001. № 1. С. 29–43; Она же. Вера и прогресс: православное сельское духовенство России во второй половине XIX – начале XX в. М., 2002 и др.

³¹ Кодола И. В. Проблема крестьянской религиозности на Дальнем Востоке во второй половине XIX века // Духовная жизнь Дальнего Востока России. Хабаровск, 2000. С. 45–48; Кодола И. В. Культурная среда Амурской деревни (1858 – 1917 гг.) : дисс. канд. ист. наук. Владивосток, 2002.

священнослужителей по развитию церковно-приходских школ Приморья в период до 1917 г.³².

Недостаточно исследована история монастырей и монашества Владивостокской епархии. Отдельные труды по истории монастырей края стали появляться с середины 1990-х гг. Так, М. Б. Сердюк выделила периоды становления дальневосточных обителей³³; писались и отдельные статьи по истории монастырей юга Дальнего Востока³⁴. Однако долгое время в этих работах не было сформулировано цельной программы исследований. В настоящее время определенным ориентиром для изучения этой тематики дает коллективный труд «Монашество и монастыри в России. XI – XX века»³⁵. Авторы этой работы предприняли попытку дать целостную картину истории монашества и монастырей, проследили их историческую эволюцию и связи между различными обителями России. К сожалению, исследование монастырей Дальнего Востока не вошло в эту коллективную монографию. Фрагментарно о них упоминает П. Н. Зырянов в своей работе, специально посвященной истории православных обителей XIX – начала XX вв.³⁶. Наконец, в последние годы в научный оборот введен ряд документальных материалов по истории Уссурийского Свято-Троицкого Николаевского (Шмаковского) мужского монастыря³⁷.

В целом, несмотря на обилие работ по истории монастырей края, авторы не пытались изучать монастыри как определенные духовные центры, где внешняя деятельность их насельников подчиняется традициям внутреннего совершенствования. Обращение к этой проблематике, на наш взгляд, помогло бы всесторонне раскрыть проблему культурного и религиозного воздействия монастырей на переселенцев, формы участия монахов в просветительско-благотворительной работе.

О внимании современных авторов к проблемам государственно-церковных отношений, институтов Церкви в регионе в связи с неудовлетворительной степенью изученности темы говорят выходящие тематические сборники³⁸, материалы различных научно-практических конференций³⁹, архивные публикации⁴⁰.

³² *Лынина О. Б.* История образования на Дальнем Востоке России (1860–1917 гг.) : автореф. дисс.... канд. ист. наук. Уссурийск, 2000.

³³ *Сердюк М. Б.* К периодизации истории православных монастырей на Дальнем Востоке России // Культура Дальнего Востока России и стран АТР. Вып. 2. Ч. 1. Владивосток, 1995. С. 93–95.

³⁴ *Мизь Н. Г.* Свято-Троицкий Николаевский Шмаковский монастырь // Записки Общества изучения Амурского края. Т. 29. Владивосток, 1996. С. 73–89; *Она же.* Духовно-просветительская деятельность монастыря «Новый Валаам» // Приморские образовательные чтения. Владивосток, 2001. С. 122–127; *Лынина О. Б.* К истории Уссурийского Рождество-Богородицкого женского монастыря // Исторический опыт освоения восточных районов России. Кн. 2. Владивосток, 1993. С. 172–174 и др.

³⁵ Монашество и монастыри России. XI – XX века: исторические очерки. М., 2002.

³⁶ *Зырянов П. Н.* Русские монастыри и монашество в XIX и начале XX века. М., 2002.

³⁷ Далекая обитель на краю Руси : сборник исторических документов. Владивосток, 2008.

³⁸ Религия и власть на Дальнем Востоке России. Хабаровск, 2001; Межконфессиональные отношения на Дальнем Востоке России. Владивосток, 2002 и др.

³⁹ Христианство на Дальнем Востоке. Ч. 1–2. Владивосток, 2000; Христианство на Дальнем Востоке мат-лы междунар. науч.-практ. конференции. Хабаровск, 2006; Путь апостольского служения святителя Иннокентия Вениаминова: мат-лы науч.-практ. конф. Хабаровск, 2007 и др.

В целом подводя итог уровню исследования затронутой проблемы, можно сказать, что, несмотря на обширную историографию, имеющую отношение к теме диссертации, состояние ее изученности нельзя признать удовлетворительным.

Источниковую базу диссертации составляет обширный комплекс источников, который можно распределить по следующим видам: законодательные акты и нормативные документы, материалы делопроизводства, статистические материалы, публицистика, документы личного происхождения (мемуары, воспоминания, дневники, письма).

Законодательные акты и нормативные документы позволяют воссоздать правовые основы положения отдельных благочиний на территории Уссурийского края, а затем определить юридические нормы существования консистории, сети приходов и монастырей Владивостокской епархии. Прежде всего, это документы, важные для понимания ситуации с духовенством в крае во второй половине XIX в.⁴¹, юридическим оформлением возникновения Владивостокской епархии и выделением ее канонической территории⁴², а также перераспределения территориальных границ между Благовещенской, Владивостокской и Якутской епархиями⁴³. Изучены указы Синода об учреждении Уссурийского Свято-Троицкого Николаевского мужского монастыря и назначении его настоятеля⁴⁴. Также рассмотрены распоряжения Синода, позволяющие проследить положение отдельных приходов и монастырей⁴⁵.

В работе использовались синодальные правила и определения Святейшего Синода об устройстве внутренней миссии, устав Православного миссионерского общества, инструкции миссионерам, а также источники церковного права (например, собрание канонических правил православной церкви)⁴⁶.

⁴⁰ Троицкая Н. А. «Был единственною церковью во всем городе...»: (Отчет о состоянии Градо-Владивостокского кафедрального Успенского собора за 1900 год) // Известия Российского государственного исторического архива Дальнего Востока. Т. IV. Владивосток, 1999. С. 30–56; Кириллов А. В. Религиозная жизнь Приамурья: материалы дневников и заметки // Религиоведение. 2003. № 1. С. 129–142 и др.

⁴¹ Высочайше утвержденное Положение Сибирского комитета о предоставлении духовенству Камчатской епархии некоторых прав и преимуществ относительно пенсий, добавочного жалования, путевых и других расходов // Дальний Восток России в материалах законодательства 1856–1861 гг. Владивосток, 2002. С. 45–48; Мнение Государственного совета об особых служебных преимуществах духовенства Камчатской епархии // Дальний Восток России в материалах законодательства 1881–1889 гг. Владивосток. 2005. С. 75.

⁴² Об учреждении Владивостокской епархии и об утверждении штатов Владивостокского епархиального управления // Собрание узаконений и распоряжений Правительства, издаваемое при Правительствующем сенате. № 118. СПб., 1898. С. 5741–5745.

⁴³ Указ Синода о создании особого совещания из представителей епархиальных управлений, местных администраций и переселенческого управления для перераспределения территориальных границ между Благовещенской, Владивостокской и Якутской епархиями // РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 101. Л. 89–90.

⁴⁴ РГИА. Ф. 796. Оп. 174. Д. 1209.

⁴⁵ РГИА ДВ. Ф. 703. Оп. 3. Д. 101.

⁴⁶ Собрание по алфавитному порядку всех предметов, содержащихся в священных и божественных канонах. М., 1996. Переиздание – 1900; Устав Православного миссионерского общества 1869 г. // Из узаконений о церковной миссии в России: сборник исторических документов и материалов. Белгород, 1996; Правила об устройстве внутренней миссии 1908 г. // Там же. Проект устава епархиальных миссий против старообрядческих и других сект 1916 г. // Там же. Определение Святейшего Синода № 3130 по поводу

Вторая группа источников представлена *материалами делопроизводства*. Прежде всего, это годовые отчеты обер-прокурора Синода по ведомству православного вероисповедания за 1899 – 1914 гг.⁴⁷, в которых содержится важная информация о деятельности правящего архиерея, о корейской миссии Владивостокской епархии и др. Отчеты обер-прокурора составлялись на основе отчетов в Синод епископа Владивостокского и Камчатского Евсевия (Никольского)⁴⁸, которые давали обширную картину церковных дел в регионе, благочиниях и на приходах. Хотя оценка развития епархии в этих документах сдержана и взвешена, тем не менее, по ним можно проследить сложность и неоднозначность происходивших процессов в церковно-приходской жизни, миссионерских станах, религиозно-нравственной жизни населения. Определенным критическим дополнением к ежегодным отчетам епископа Евсевия является его Отзыв, написанный в связи с обсуждением вопросов о церковных реформах⁴⁹. Этот документ, в частности, свидетельствует о том, что архиерея тревожило состояние уровня образования местного духовенства и его отношений с прихожанами.

Кроме отчетов епископа Евсевия, в исследовании используются отчеты других дальневосточных архиереев, которые позволяют проследить распространение в Уссурийском крае православия, сложности в деятельности первых приходских священников⁵⁰.

К работе привлечены журналы заседаний Архиерейского съезда в Иркутске 1885 г., которые позволяют выделить характерные проблемы церковного развития в Сибири и на Дальнем Востоке, определить позиции и понять решения архиереев по этим вопросам, а также увидеть реакцию на них со стороны Приамурского генерал-губернатора⁵¹.

Автором изучались журналы Владивостокских епархиальных и миссионерских съездов, отражающие «узкие» места в деятельности церковных институтов на исследуемой территории, например, епархиального управления, приходского духовенства, миссионеров и др.⁵²

Страховые описи храмов⁵³, принадлежавших Владивостокской епархии, позволяют оценить состояние церковного имущества региона, сравнить имеющуюся статистику со статистикой из других источников, уточнить сведения о местоположении церквей.

постановлений Киевского Всероссийского миссионерского съезда о мерах борьбы с штундобаптизмом и пашковщиной.

⁴⁷ Всеподданнейшие отчеты обер-прокурора Святейшего Синода по Ведомству Православного исповедания за 1899–1914 гг. СПб., 1902–1916.

⁴⁸ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. ДД. 1765, 1823, 1940 и др. дела.

⁴⁹ Отзыв преосвященного Евсевия, епископа Владивостокского // Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе: в 2 ч. Ч. II. М., 2004. С. 899–949.

⁵⁰ См. напр.: Вениамин (Благонравов), епископ Камчатский. Амурская духовная миссия в 1870 г. Благовещенск, 1871; Евсевий (Никольский), архиепископ. Камчатская область и духовные нужды ея населения: доклад. СПб., 1913; Отчет о состоянии и деятельности миссии Камчатской епархии за 1871 г. Благовещенск, 1872 и др.

⁵¹ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 8.

⁵² Журналы I–IX съездов духовенства Владивостокской епархии. Владивосток, 1914.

⁵³ РГИА. Ф. 799. Оп. 33. ДД. 68, 69, 70 и др.

Особое место в работе уделено рапортам первостроителя Уссурийского Троицкого монастыря игумена Алексия (Осколкова) обер-прокурору Синода К. П. Победоносцеву и обращениям последнего по делам указанного монастыря в различные министерства, что показывает степень участия обер-прокурора в делах далекой от столицы обители и позволяет охарактеризовать личность и взгляды первого настоятеля обители, понять его представления о развитии монастыря⁵⁴.

В работе используется делопроизводственная документация военных губернаторов Приморской области и Приамурских генерал-губернаторов. Изучаются отчеты⁵⁵, а также донесения государственных чиновников⁵⁶. Так, например, материалы служебного доклада Д. Шилова, заведующего Приморским гумземуправлением, «О передаче имущества быв. Шмаковского монастыря в ведение гумземуправления»⁵⁷ детально раскрывают степень развития монастырского хозяйства.

В работе представлена служебная переписка между церковными и государственными деятелями⁵⁸. Особую ценность представляют письма Приамурского генерал-губернатора С. М. Духовского обер-прокурору К. П. Победоносцеву⁵⁹. Все эти письма позволяют проследить то, как государство привлекало ресурсы для создания в крае церковных институтов (как приходов, так и Южно-Уссурийского Богородице-Рождественского женского монастыря), каков был характер дискуссий вокруг разделения Камчатской епархии и образования новой епархии на территории Уссурийского края, понять сущность некоторых конфликтных ситуаций между архиереями и властями. Характер церковно-государственного взаимодействия в крае вскрывают письма епископа Владивостокского Евсевия к Приамурскому генерал-губернатору Н. Л. Гондатти (1911–1914 гг.), в которых ставится вопрос о переносе епископской кафедры из Владивостока в Хабаровск⁶⁰.

В целом материалы делопроизводства показывают, что местная власть имела представление об основных проблемах управления епархией, активно

⁵⁴ РГИА.Ф. 796. Оп. 174. Д. 1209.

⁵⁵ Всеподданнейший отчет Приамурского генерал-губернатора генерала от инфантерии Гродекова за 1898–1900 годы. Хабаровск, 1901; Всеподданнейший отчет Приамурского генерал-губернатора генерал-лейтенанта Духовского за 1893, 1894 и 1895 гг. СПб., 1895; Всеподданнейший отчет Приамурского генерал-губернатора Духовского за 1896–1897 // РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 258; Всеподданнейший отчет Приамурского генерал-губернатора генерала от инфантерии Гродекова за 1898 – 1900 гг. Хабаровск, 1901.

⁵⁶ Всеподданнейшая записка генерал-губернатора Восточной Сибири М. С. Корсакова от 17 декабря 1868 г. // Вопросы истории. 2011. № 6. С. 90–96; Всеподданнейший отчет статс-секретаря Куломзина по поездке в Сибирь для ознакомления с положением переселенческого дела. СПб., 1896; Донесение начальника Иркутского губернского жандармского управления В. О. Янковского об общем положении дел в Восточной Сибири от 31 окт. 1875 г. // Отечественные архивы. 1993. № 1. С. 88–100.

⁵⁷ ГАПК.Ф. П–61. Оп. 1. Д. 230.

⁵⁸ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. ДД. 69, 101, 200, 266, 446, 447; РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 489–I, II, III, IV; Существовали и более ранние контакты архиереев и местной администрации : письмо Архиепископа Камчатского Иннокентия (Вениаминова) военному губернатору Приморской области П. В. Казакевичу // РГИА ДВ.Ф. 1. Оп.1. Д. 169. Л 16 – 16 об.

⁵⁹ Письма Приамурского генерал-губернатора С. М. Духовского обер-прокурору К. П. Победоносцеву // РГИА ДВ. 702. Оп. 3. Д. 101. ЛЛ. 3– 18об; Отношение К. П. Победоносцева Государственному секретарю об учреждении Владивостокской епархии // РГИА. Ф. 1151. Оп. 12. Д. 125. ЛЛ. 1–28.

⁶⁰ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 399.

участвовала в открытии монастырей и приходов, помогала в положительном разрешении церковных вопросов на высоком государственном уровне.

Материалы *статистических обследований* региона находятся в Обзорах Приморской области. Они содержат данные о численности населения с указанием городских и сельских жителей, национального и вероисповедного состава населения региона с показателями естественного прироста, а также сведениями по храмам и приходам⁶¹.

В отдельную группу источников можно выделить *материалы периодической печати*, которые представлены публикациями в следующих изученных при написании работы изданиях: «Морской сборник», «Русская старина», «Исторический вестник», «Записки Русского географического общества», «Нива» и др., а также в Благовещенских, Владивостокских, Иркутских и Камчатских епархиальных ведомостях, в газетах «Приамурские ведомости», «Голос Приморья», «Далекая окраина». Источники этой группы позволили получить необходимые фактические данные о проблемах начального этапа заселения Уссурийского края, о роли русских военных моряков в строительстве первых православных храмов. Периодические издания дают возможность судить о жизни отдельных приходов, материальном состоянии священников и их паствы, понимать сложности религиозно-нравственной ситуации. Следует учитывать при этом, что газеты и журналы проходили предварительную цензуру, смягчавшую или устранявшую критичность в публикациях губернской и епархиальной печати.

В работе использовались материалы личного происхождения: *записки путешественников, дневники и письма*. Например, воспоминания адмирала Г. И. Невельского позволяют получить сведения о деятельности священников в составе Амурской экспедиции⁶². Им по содержанию близки записки путешественников М. Венюкова, Г. Мурова (Г. С. Гантимурова), протодиакона В. Островидова, Д. Шрейдера и др. В этих источниках дается характеристика религиозно-нравственных устоев переселенцев, показаны их взаимоотношения с приходскими священниками, с китайцами и корейцами, а также зафиксированы неурегулированные организационные вопросы в ходе освоения региона⁶³.

Ценным источником по истории миссии в крае являются записки первого начальника православной миссии на Амуре – протоиерея Гавриила Вениаминова. Изучение его дневниковых записей помогает понять, как на практике миссионеры применяли инструкции и рекомендации для проповедников⁶⁴.

⁶¹ Обзоры Приморской области за 1889, 1894, 1902, 1908, 1909 гг. Владивосток, 1891–1911.

⁶² Невельской Г. И. Подвиги русских морских офицеров на крайнем Востоке России 1849–1855. СПб., 1878.

⁶³ Островидов В. А., протоиерей. Дальний Восток и путевые впечатления от Владивостока до Петрограда. Одесса, 1915; Мурав Г. Т. По русскому Дальнему Востоку. Люди, их жизнь и нравы: дневник странника: в 2 т. Т. 1: 1909. Т. 2: 1911; Венюков М. И. Путешествие по Приамурью, Китаю, и Японии. Хабаровск, 1970; Шрейдер Д. И. Наш Дальний Восток (Три года в Уссурийском крае). СПб., 1897.

⁶⁴ Из путевых записок православного миссионера // Духовная беседа. СПб., 1858. № № 28, 36.

Для освещения поставленных в работе вопросов о характере церковно-государственных отношений в крае интересны воспоминания игумена Алексия (Осколкова). Они содержат ценные материалы о первых шагах по созданию Уссурийского Троицкого мужского монастыря⁶⁵. Внутреннюю жизнь той же обители при следующем настоятеле – игумене Сергии (Озерове) описывает его близкий друг – диакон Сергей Трубачев⁶⁶.

Наконец, письма епископа Иннокентия (Вениаминова) содержат важные сведения о мерах, предпринимавшихся этим архиереем для церковного строительства в Уссурийском крае до создания здесь отдельной епархии. Они позволяют рассмотреть вопросы становления некоторых церковных приходов, назначения духовенства на места, взаимодействия с представителями властей⁶⁷.

Для создания источниковой базы диссертации использовались *фотодокументы*, отложившиеся россыпью в различных фондах. Ценность фотографий заключается в том, что они отразили различные стороны в становлении церковных институтов в Уссурийском крае, а также контакты церковных деятелей с представителями власти. Важно то, что они создавались в момент события и зафиксировали такие детали, которые не могли быть отражены в других источниках. Часть из них введена в научный оборот⁶⁸.

В совокупности для исследования было привлечено 73 дела из фондов РГИА, РГИА ДВ, ГАПК, архива Преображенского Ново-Валаамского монастыря.

В целом, представленные группы источников позволяют решить поставленные в диссертации задачи и раскрыть тему исследования.

Методологической основой исследования являются принципы объективности и историзма. Основными методами исследования стали историко-хронологический метод и метод количественного анализа. Историко-хронологический метод использован для последовательного раскрытия процессов и изменений изучаемых явлений в ходе становления церковных институтов в Уссурийском крае. С помощью количественного анализа выявлены численные и качественные характеристики изучаемых явлений: рост числа храмов, открытие благочиний, численность епархиального клира и монашествующих, религиозный состав населения Приморья.

⁶⁵ *Алексий [Осколков], игумен*. Воспоминания старца-основателя и первого строителя Свято-Троицкого Николаевского Уссурийского монастыря, что на крайнем Востоке Сибири, в Приморской области. Петроград, 1915.

⁶⁶ *Трубачев Сергей*. Воспоминания об архимандрите Сергии Озерове. [Сергиев Посад], 1987. Рукопись.

⁶⁷ Письма Иннокентия, митрополита Московского и Коломенского: в 3 кн. Кн. 2 (1856–1864). СПб., 1898; О письмах митрополита Иннокентия как источнике см.: *Крылов В.* Административные документы и письма Высокопреосвященнейшего Иннокентия, архиепископа Камчатского, по управлению Камчатской епархией и местными духовно-учебными заведениями за 1846–1868 гг. Казань, 1908. см. *Матханова Н. П.* Письма св. Иннокентия (Вениаминова) к М. С. Корсакову: 1851–1870 гг. // *Общественное сознание и литература XVI–XX вв.* Новосибирск, 2001.

⁶⁸ *Приморье православное: к 110-летию Владивостокской епархии*. Владивосток, 2008; 110 лет Восточному институту во Владивостоке. Владивосток, 2009.

Научная новизна исследования заключается в следующем:

- впервые в историографии предпринято всестороннее обобщающее исследование формирования и развития Владивостокской епархии на территории Уссурийского края во второй половине XIX – начале XX вв.;
- на основе ранее не использованных источников проанализирован процесс становления монастырей в изучаемом регионе;
- показана роль отдельных личностей в истории государственно-церковного сотрудничества в крае;
- в научный оборот впервые введены новые дела из фондов Синода, Государственного совета, военного губернатора Приморской области и Приамурского генерал-губернатора.

Практическая значимость исследования определяется новизной изученных проблем и выводов. Результаты работы дают возможность современным органам государственного управления Приморского края, всего Дальнего Востока учесть их в процессе принятия решений по актуальным вопросам государственно-конфессиональных отношений. Материалы диссертации могут быть использованы для разработки специальных учебных курсов в государственной системе высшего образования по направлениям «отечественная история», «теология», «религиоведение», а также для подготовки монографии по истории православной церкви в Приморье. Материалы исследования используются автором в учебной деятельности в Дальневосточном федеральном университете.

Апробация результатов исследования. Промежуточные результаты диссертации обсуждались на заседаниях кафедры Истории Русской Православной Церкви и кафедры Истории России и архивоведения ПСТГУ. Основные положения работы были представлены автором на научных и научно-практических конференциях Дальневосточного федерального университета и Владивостокской епархии (2005, 2006, 2007, 2008, 2009, 2010 гг.), в Сибирском отделении Российской академии наук и Новосибирском государственном университете (2006, 2009 гг.), в Хабаровской духовной семинарии (2006 гг.), в Челябинской государственной академии культуры и искусств (2007 гг.), в Приморском отделении Общества изучения Амурского края (2009 гг.), на ежегодной богословской конференции Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета (2010 г.), в Биробиджанской епархии (2011 г.), в Камчатской епархии и Петропавловском государственном университете (2011 г.). Концептуальные выводы работы опубликованы в издании, включенном в перечень ведущих рецензируемых научных журналов, рекомендуемых ВАК Министерства образования и науки РФ, а также в сборниках статей. Часть результатов исследования автора отражена в книге-альбоме.

Соответствие диссертации паспорту научной специальности. Работа соответствует формуле специальности 07.00.02 – Отечественная история, включающей в себя изучение прошлого государства и народов

России через исследование их деятельности во всех сферах жизни на различных этапах исторического развития и является теоретическим исследованием источников по истории русской православной организации на территории Уссурийского края Дальнего Востока России через анализ совокупности выявленных фактов и явлений государственно-церковных отношений и повседневной жизни народа.

Соответствие диссертации области исследования специальности.

Полученные научные результаты соответствуют пункту 4 («История взаимоотношений власти и общества, государственных органов и общественных институтов России и ее регионов»), пункту 6 («История повседневной жизни различных слоев населения страны на соответствующем этапе ее развития»), пункту 7 («История развития различных социальных групп России, их политической жизни и хозяйственной деятельности»), пункту 10 («Национальная политика Российского государства и ее реализация. История национальных отношений»), пункту 13 («История взаимоотношений государства и религиозных конфессий»).

По результатам исследования автор выносит на защиту следующие основные положения:

1. Становление церковных институтов в Уссурийском крае явилось результатом сложного и неоднозначного процесса объединения разрозненных приходов в единое целое (епархию). Этот процесс был связан не только с усилиями государства по колонизации территории, но и с участием в этом деле представителей разных социальных слоев общества и церковного священноначалия.

2. Деятельность Русской православной церкви в Уссурийском крае началась на несколько лет раньше времени официального включения этих территорий в границы России. Однако ключевым моментом в создании церковного управления региона стало открытие в конце XIX в. самостоятельной Владивостокской епархии, которую государство поддерживало, в первую очередь, на уровне помощи приходам и монастырям. При этом на уровне епархиального управления содействие государства и местных органов власти было незначительным, что могло привести к переносу архиерейской кафедры в центр генерал-губернаторства – город Хабаровск.

3. Специфика религиозного кризиса на уровне приходов Владивостокской епархии начала XX в. была связана с феноменом так называемой «переселенческой разношерстности».

4. Уссурийские монахи имели тесные духовные связи и ориентировались на монашескую традицию Валаамского Преображенского монастыря, что сильно сказывалось на всех сторонах жизни Троицкого монастыря, в т. ч. на его хозяйственно-экономической деятельности.

5. Владивостокская корейская духовная миссия, организованная по территориальному принципу, имела важное значение в распространении культуры и образования среди корейцев в Уссурийском крае, но, не получив

своевременной достаточной материальной поддержки государства, оказалась в сложном положении.

Структура работы определяется ее целью, задачами и логикой исследования. Диссертация состоит из введения, 3-х глав, заключения, списка использованных источников и литературы.

II. СТРУКТУРА И ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обоснована актуальность работы, обозначена степень разработанности темы, поставлены цель и задачи, установлены хронологические и территориальные рамки, определена методологическая основа исследования, рассмотрены используемые источники. Введение завершает характеристика научной новизны работы и ее практическая значимость.

Первая глава «Возникновение и развитие церковных институтов в Уссурийском крае» включает три параграфа.

В первом параграфе *«Исторические, государственные и церковно-канонические аспекты распространения православия в Уссурийском крае»* рассмотрены общие условия распространения Православия в регионе с XVI по XIX вв. включительно и образование на юге Дальнего Востока самостоятельной Владивостокской епархии.

До официального присоединения Приамурского и Уссурийского краев к России (1858–1860 гг.) служение православных священников на этой территории началось во время Амурской экспедиции Г. И. Невельского (1851–1855). В это же время в Приамурском, а затем и в Уссурийском краях начала разворачивать деятельность Камчатская епархия под руководством епископа Иннокентия (Попова-Вениаминова). С его благословения в начале 1850-х гг. на р. Амур был направлен протоиерей Гавриил Вениаминов, который выполнял в том числе и миссионерские функции, то есть «учил» и «крестил». В 1854 г. император Николай I утвердил указ о принятии в ведение Камчатской епархии территорий в Амурском крае, что можно рассматривать как начальный этап церковного строительства на этих территориях.

Начало миграции населения на новые территории открыло возможность для следующих этапов развития православной церкви в регионе под руководством епископов Камчатских и Благовещенских (с 1858 г. – на севере Уссурийского края, с 1861 – на юге). Для более успешного управления приходами в Южно-Уссурийском крае был выделен отдельный благочиннический округ, просуществовавший около 20 лет, при нескольких епископах: Иннокентии (Вениаминове), Вениамине (Благодееве), Павле (Попове), Мартиниане (Муратовском). В связи с многократным увеличением численности паствы и открытием новых храмов епископ Камчатский Гурий (Буртасовский) благословил образование трех благочиний – Южно-Уссурийского, Владивостокского и Камень-Рыболовского.

Благовещенские архиереи больше одного раза в год не могли приезжать в Уссурийский край. Это не противоречило требованиям Духовного регламента, но не способствовало ускорению развития православной церкви в регионе. Епископы это прекрасно понимали и потому сначала между собой (в 1870-е гг.), а затем в отчетах в Синод (с 1883 г.) начали дискуссию о разделении огромной по размерам Камчатской епархии. В 1896 году Святейший Правительствующий Синод учредил во Владивостоке самостоятельную архиерейскую кафедру.

Во втором параграфе *«Особенности становления церковной организации в Уссурийском крае и открытие Владивостокской епархии»* рассматриваются основные проблемы, связанные с обеспечением нормальной деятельности епархиального управления Владивостокской епархии в период с конца XIX в. до 1917 г.

Владивостокская епархия из-за финансовых и организационных проблем начала функционировать лишь спустя три года после ее учреждения. Географически она оказалась разбросанной на нескольких отдельных территориях (Уссурийский край, Камчатка, Сахалин и др.). Северная половина Уссурийского края осталась в подчинении Благовещенского епископа, Южно-Уссурийский край – Владивостокского. Указом Синода епископом Владивостокским и Камчатским был назначен преосвященный владыка Евсевий (в миру Евгений Иванович Никольский, архиепископ с 1906), бывший епископ Камчатский и Благовещенский.

При обустройстве епархии новый правящий архиерей столкнулся с рядом трудностей, которые он пытался преодолеть. Не найдя средств для строительства архиерейского дома во Владивостоке, он избрал собственной городской резиденцией арендованную квартиру, но центром административной жизни епархии стал загородный дом–дача, которую владыка построил в местечке под названием Седанка (лесная зона за городом). Собственное помещение у Духовной консистории появилось спустя четырнадцать лет после создания епархии, а выделение помещений для нее совпало со сменой генерал-губернатора (назначение Н. Л. Гондатти).

Роль кафедрального собора во Владивостоке выполнял маловместительный бывший приходской Успенский собор. Сбор пожертвований на строительство нового собора затянулся. К 1917 г. имелось лишь 37% от требуемой суммы.

Очевидно, новая епархия некоторое время не получала своевременной должной поддержки со стороны Синода и местных властей. Это привело к постановке владыкой Евсеем вопроса о переносе резиденции правящего епископа в Хабаровск – центр генерал-губернаторства. В целом Владивостокский епископ принципиально выступал за увеличение числа архиерейских кафедр епархии с целью оживления церковной жизни на приходах, однако финансово обеспечить эти намерения было тяжело, вследствие чего положительных резолюций из Синода не поступало. Лишь в 1912 году произошло назначение первого викария епархии – епископа

Никольск-Уссурийского Павла (Ивановского), занявшего важное место в развитии просветительских церковных институтов в регионе.

С начала XX в. численность благочиннических округов в Приморье возросла в 2 раза, с 8 до 16. В среднем они объединяли по 10 приходских церквей. Одним из способов активизации деятельности приходских клириков стали епархиальные съезды духовенства. Эти коллективные органы управления с 1899 г. собирались почти ежегодно. Анализ тем, выносившихся на их рассмотрение, показывает, что 20–30% из них касались важнейших епархиальных дел (в том числе устройства миссии и проблем пастырского служения), 70–80% вопросов были связаны с изысканием и распределением денежных средств на расходы и нужды духовенства.

В третьем параграфе *«Развитие церковноприходской жизни»* исследуются благоприятные и неблагоприятные факторы, влиявшие на процесс создания храмов, изучается характер церковно-государственного сотрудничества.

Становление приходских общин в регионе происходило под влиянием феномена «переселенческой пестроты» – сложного явления, характерного для Дальнего Востока в целом. Его характеризует: а) резкие отличия между верующими людьми в сельской и городской местности, б) духовное «расслоение» городских жителей, в) разношерстность внутри сельских общин, г) общая установка ценностной ориентации человека, которую можно определить как «дух временщика». На этом фоне в церковноприходской жизни региона формировалось контрастное отношение к церкви со стороны переселенцев, что предопределяло ревностную религиозность одних и отстраненное равнодушие других.

По благословению епископа Иннокентия (Вениаминова) первый православный приход в Южно-Уссурийском крае начал действовать во Владивостоке с 1862 г. при церкви Успения Пресвятой Богородицы. Открытие приходов происходило в местностях, находившихся вблизи границы и транспортных маршрутов: с. Камень-Рыболов (1867 г.), с. Турий рог (1868 г.), с. Никольское (1872 г.), с. Шкотово (1879 г.) и др. Материальные проблемы периода начального обустройства региона были разрешены путем открытия молитвенных домов в обычных жилых помещениях. Для финансирования церковных нужд использовались средства церковно-школьного фонда, созданного в 1886 г. при переселенческом управлении по Южно-Уссурийскому краю, финансы Комитета по строительству Сибирской железной дороги, пожертвования фонда имени императора Александра III.

Ко времени открытия Владивостокской епархии в крае было построено около 40 церквей. При этом только 63% храмов имели своих священников. Это приводило к понижению качества приходской жизни, часто в таких условиях сводившейся к обрядовым формам, что превращало священников в требоисполнителей, а не пастырей. Назначение священнослужителей в приморские приходы совершалось с запозданием, что

замедляло нормальное развитие церковной жизни. С другой стороны, правительственными мерами для священников на новых местах служения в Приморье теоретически создавались лучшие материальные условия, чем в других епархиях России. Однако анализ применения на практике вышеназванных правил поазывает на их недостаточную проработанность.

В начале XX в. в крае требовалось возвести большое количество храмов. Объединение усилий прихожан, государства и благодетелей со всей России привело к высоким результатам: каждый год в среднем открывалось около 10 храмов и часовен. При этом в Уссурийском крае находилось около 50% (почти 190) всех храмовых зданий от общего количества церквей Владивостокской епархии. Однако быстрые темпы строительства в течение первых годов XX в. не соотносились с ростом численности священников.

Вторая глава «Распространение в Уссурийском крае православного монашества» объединяет три параграфа.

В первом параграфе *«Церковно-государственные и религиозные предпосылки открытия первых монастырей»* показывается вклад первостроителей в дело создания монастырей, освещается церковно-государственное взаимодействие в строительстве обителей, дается характеристика степени развитости монастырской экономики.

Первые попытки создания мужской обители в Южно-Уссурийском крае предпринимались с середины 1880-х гг. К делу образования монастыря были причастны многие государственные деятели, среди которых император Александр III, Приамурский генерал-губернатор С. М. Духовской, обер-прокурор Синода К. П. Победоносцев и др. Конечно, социальным толчком к открытию в крае монастырей явился процесс переселения православных людей в Приморье. Однако наряду с этими предпосылками для создания обителей были и религиозные причины: аскетические устремления монахов, стремление к реализации духовных талантов, особенно духовно-просветительских.

Особенно следует выделить личность отца Алексия (в миру – Александра Захарьевича Осколкова), афонского монаха, стоявшего у истоков первой монашеской обители в крае. Он сумел без государственной поддержки на пожертвования сформировать начальный капитал для создания материальной базы монастыря (около 40000 руб.), а также выбрать удобный участок для размещения обители в Южно-Уссурийском крае, отказавшись от выделенного первоначально места вблизи Хабаровска. Несогласия между первыми насельниками обители, расхождения по вопросу ведения аскетической жизни, связанные с ориентацией на разные центры православного монашества, привели к добровольному уходу первостроителя от настоятельства.

Во втором параграфе *«Традиции русского монашества в обителях Уссурийского края»* раскрывается внутренний уклад жизни иноков, реализация принципов монастырского общежития.

Уссурийский Свято-Троицкий Николаевский мужской монастырь в начале XX в. быстро рос, к 1914 г. в нем было 144 насельника. На формирование сакральной жизни в Свято-Троицком монастыре особый отпечаток наложили второй настоятель монастыря – игумен Сергей (в миру Павел Озеров) и эконоом – иеромонах Герман (в миру – Вукола Богданов), которые были выходцами из Валаамского монастыря. В обители с самого начала ее деятельности главное внимание уделялось духовному развитию братии, чтению сочинений епископа Игнатия (Брянчанинова), Оптинских старцев, Серафима Саровского и др. Сам настоятель переписывал в тетрадь отдельные «крупницы» духовного опыта отцов Церкви («Заветы инокам»), которые затем печатались в собственной типографии монастыря в виде брошюр. Духовники мужского монастыря руководили жизнью сестер и послушниц Южно-Уссурийского женского монастыря.

Авторитет Троицкого монастыря в начале XX в. был признан среди других знаменитых монастырей Русской православной церкви. Одной из причин этого явилась грамотная организация жизни обители по строго общежительному уставу, заимствованному из Валаамского монастыря (пример настоятеля, внутренняя дисциплина, исключение личной собственности, общая скромная трапеза и др.).

Несколько иначе, медленнее, устраивались дела в женской монашеской общине (89 насельниц к 1914 г.), что было связано с болезнью игуменнии монастыря Павлы и ее первой помощницы, а также со сложностями для молодых сестер-послушниц в освоении монастырского устава. Валаамский устав здесь также существенно повлиял на аскетическое устройство жизни.

В третьем параграфе *«Место хозяйственной деятельности в жизни монастырей»* анализируется значение монастырской экономики для развития обителей и региона в контексте политики государственного переселения, раскрывается влияние аскетической и сакральной жизни на успешное ведение хозяйственной деятельности.

Новые монастыри на юге Дальнего Востока изначально создавались как нештатные, т.е. не получали гарантированного казенного содержания. Материальная основа обителей создавалась трудом самих монахов, а также с помощью простых верующих и благодетелей, способствовавших строительству крупных объектов; жертвовавших имущество (строительные материалы, лошадей, коров, пчел, разное механическое оборудование, рабочие инструменты) и многое др.

Троицкий монастырь имел в частной собственности землю. Для крестьян региона хозяйственная деятельность монастыря был новаторской, поскольку на его землях был введен правильный севооборот, приобретен полный комплект необходимых сельскохозяйственных машин, орудий и инструментов, возделывались около 13 видов различных культур, организована широкая промышленная переработка сельхозпродукции. В

хозяйстве разводился крупный рогатый скот и овцы, а также пчелы, в нем развивалось ремесленное производство (более 10 видов) и др.

За счет собственного свечного завода монастырь обеспечивал половину собственного бюджета. Годовой доход от собственного производства обители составлял свыше 13500 руб. Денежные средства направлялись на развитие хозяйственной деятельности. Свободный капитал в обители насчитывал примерно 5 000 руб.

Третья глава «Развитие миссионерской деятельности среди переселенцев, мигрантов и коренных народов Уссурийского края» подразделяется на три параграфа.

В первом параграфе *«Проблемы миссионерской деятельности в Южно-Уссурийском крае во второй половине XIX в. – начале XX в.»* исследуется этнорелигиозное своеобразие региона и организация во Владивостокской епархии духовно-просветительской деятельности среди коренных народов и китайцев.

В Уссурийском крае ко времени переселения сюда русских также проживали представители нехристианских по религиозным корням народов – гольды (нанайцы), орочи (тазы) и др., постоянно мигрировавшие по региону. Представительство среди населения края имели конфуцианцы и буддисты (согласно официальным данным 21%), к которым традиционно относили китайцев, корейцев и японцев. Коренные народы региона принимали православие с 50-х XIX в. (миссия во главе с протоиереем Гавриилом Вениаминовым). Амурские и уссурийские миссионеры испытывали затруднения в деле проповеди среди нанайцев и др. народов из-за языковых преград и влияния китайцев, выступавших против принятия христианства.

Межгосударственные договоры 1858 и 1860 гг. разрешили китайцам оставаться в Уссурийском крае, если они здесь проживали до вхождения в состав Российской империи. Развитие православного миссионерства среди китайцев стало одной из приоритетных задач Камчатской епархии. Для ее решения епископ Иннокентий (Вениаминов) пригласил в 1864 г. из Пекинской миссии сотрудника, знавшего китайский язык. Однако многие проблемы китайской миссии не были решены.

Оживление миссионерской деятельности в отношении сектантов в епархии началось с 1912 г., когда в Южно-Уссурийском крае появился хорошо образованный епархиальный миссионер. С 1914 года стал действовать епархиальный миссионерский совет и противосектантские курсы. Миссия стремилась развить различные просветительские проекты. Они были направлены на старообрядцев (1–2 % населения), католиков (1% населения), протестантов (3%), у которых были сильные позиции в городах Владивостоке и Никольск-Уссурийске. По признанию архиепископа Евсевия, епархия оказалась не вполне готовой к усилению миссионерской деятельности протестантов после 1909 г. Данное положение осознавали в Синоде, поэтому в 1912 г. под руководством синодального миссионера священника Иоанна Восторгова в Хабаровске прошли первые окружные

миссионерские курсы, способствовавшие тому, чтобы дальневосточное духовенство обучалось использованию в проповедях полемических средств.

Во втором параграфе «*Особенности миссионерской деятельности монастырей*» автор анализирует основные направления монастырской просветительской деятельности.

Государственные и общественные деятели в период открытия приморских монастырей видели миссию последних в деятельном социальном служении народу и стране через создание в обителях больниц, школ, приютов и других благотворительных учреждений. Однако эти задачи с точки зрения монашеского аскетического делания были не главными, поэтому настоятели монастырей заботились, прежде всего, об исполнении иноками своих обетов, несении ими аскетических подвигов. Несмотря на разные установки государства и церкви, на практике обители справлялись с выполнением обеих задач.

Просветительно-благотворительная деятельность в монастырях затрагивала: 1) духовно-нравственное руководство богомольцами, помощь епархиальному духовенству и прихожанам; 2) организацию паломничеств; 3) просветительскую деятельность в области изучения основ православного вероучения; 4) издательство и бесплатное распространение православной литературы; 5) развитие монастырского хозяйства как образца для переселенцев; 6) благотворительную поддержку общественных социальных программ; 7) создание церковноприходских школ, где обучались дети из соседних деревень и сироты (в мужском монастыре имелась начальная трехгодичная школа с общежитием на 20 учащихся, а женская обитель за свой счет содержала школу на подворье в г. Никольск-Уссурийске); 8) христианское просвещение китайцев и корейцев, но не через образование специальных миссионерских институтов, например, школ, а вследствие общения с наемными работниками, проживавшими рядом с обителями в отдельных фанзах.

В третьем параграфе «*Формирование и принципы деятельности Владивостокской корейской миссии*» выделяются методы работы Владивостокской корейской миссии, ее значение в развитии национальной политики государства в отношении корейцев.

Со второй половины XIX в. правительство разрешило иммигрировавшим корейцам компактно расселяться вдоль южной границы и в ряде внутренних районов Уссурийского края. В начале XX в., по оценкам современников, в крае проживало от 15 000 до 45 000 корейцев, которых некоторые местные чиновники предлагали массово крестить. Но дальневосточные архиереи (епископы Вениамин (Благонравов), Гурий (Буртасовский) и др.) отказывались от подобных предложений, считая такой метод неприемлемым в деле церковной миссии. Начиная с 1870-х гг. Владивостокская корейская миссия стала развиваться, и к 1917 г. имела 13 миссионерских станом. В целом количество находившихся в станах православных корейцев колебалось между 8 000–10 000 чел. С 1911 по 1914

гг. за пределами миссионерских станом крестилось в среднем за год 2 600 корейцев. В 1899 году открылся Владивостокский комитет Православного миссионерского общества, который должен был материально обеспечить миссию. Кадровую проблему миссия разрешила после 1910 г. в результате назначения ее руководителем епископа Павла (Ивановского). Важнейшую роль для объединения миссионерских институтов епархии сыграли епархиальные миссионерские съезды (1-й – 1913 г., 5-й – апрель 1917 г.).

В **заключении** диссертации подводятся итоги и делаются выводы исследования.

Специфика синодального строя наложила заметный отпечаток на становление церковных институтов в Уссурийском крае, формировавшихся на первом этапе (с начала 1850-х гг.) в составе Камчатской епархии, далее на втором этапе (с 1899 г. до 1917 г.) – во Владивостокской епархии. Государство в условиях колонизации территории стремилось рационально использовать ресурсы церкви, пытаясь направлять их, прежде всего, на стабилизацию социальной ситуации в быстро развивавшемся крае. В этом смысле закономерен итог многолетней дискуссии о разделении Камчатской епархии и выборе Владивостока как центра нового церковного округа. Очевидная необходимость этого шага, тем не менее, не получила первоначальной решительной поддержки у региональных властей по вопросу создания атрибутов епархиального управления (консистории, архиерейского дома, кафедрального собора), что в какой-то мере было обусловлено стратегией военного развития города и ограниченными материальными ресурсами местных благотворителей.

Образцом государственно-церковного взаимодействия следует признать работу по созданию приходов и строительству церквей в крае. Можно выделить как минимум шесть этапов последовательного развития церковно-приходской системы. Внешне успешное созидание приходов не во всем соотносилось с таким же внутренним благополучием, что, прежде всего, было связано с запоздалым открытием штатов для новых церквей в Синоде, недостатком духовенства и причтовых домов, отсутствием гармоничности в отношениях священства и прихожан и др.

Жесткий контроль со стороны бюрократической машины государства не подавлял в полном смысле живую деятельность представителей Владивостокской епархии (в первую очередь правящего архиерея), которые тем самым свидетельствовали, что церковь живет по своим внутренним законам, помимо пожеланий и требований государственных чиновников. Это ярко проявилось на примере создания монастырей в Уссурийском крае. Они, несмотря на определенные ожидания государственных деятелей и общественности, были не только институтами социальной помощи государства, но и развивали свой строй жизни в соответствии с традиционным для русского монашества укладом.

Особое положение среди церковных институтов заняла Владивостокская корейская миссия, укрепившаяся в 1912 г. после назначения

викарного архиерея. Миссия добилась больших результатов в переводческой сфере и отработке приемов по христианизации корейцев без использования административного давления на иммигрантов.

В целом можно сказать, что, несмотря на различные неблагоприятные моменты (переселенческие, общественно–политические, церковные), Русская православная церковь смогла в исторически короткое время (20–30 лет активности) сформировать в Уссурийском крае полноценную систему управления, чему способствовали как государственная поддержка, так и человеческий фактор (труды крупных церковных и общественных деятелей).

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ДИССЕРТАЦИИ ОТРАЖЕНЫ В СЛЕДУЮЩИХ РАБОТАХ АВТОРА:

Публикации в рецензируемых изданиях, рекомендованных ВАК:

1. *Ерохин В. В.* Становление православной церкви в Приморье во 2-й половине XIX в. // Гуманитарные науки в Сибири. – 2010. – № 2. – С. 84 – 87. – 0, 6 п. л.

2. *Ерохин В. В.* Православная церковь на юге Дальнего Востока России в середине XIX века: к вопросу о хронологии миссии // Гуманитарные науки в Сибири. – 2010. – № 3. – С. 81 – 83. – 0, 5 п. л.

Прочие публикации

3. Приморье православное: К 110-летию образования Владивостокской епархии / Под ред. В. В. Ерохина. – Владивосток: Изд-во Владивостокско-Приморской епархии, изд-во ЗАО «ЛИТ», 2008. – 200 с.: ил. – 23, 25 п. л.

4. *Ерохин В. В.* Владивостокская и Приморская епархия // Православная энциклопедия под ред. Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. – М.: Церк.-науч. центр «Православная энциклопедия», 2004. - Т. VIII. – С. 617-621. – 0, 78 п. л.

5 *Ерохин В. В.* Выбор места для Свято-Троицкого мужского монастыря и колонизация Южно-Уссурийского края // Приморские образовательные чтения памяти свв. Кирилла и Мефодия: сб. тез. и докл. Вып. IV. – Владивосток: Изд-во Дальневосточ. ун-та, 2005. – С. 25- 28. - 0, 3 п. л. //

6. *Ерохин В. В.* Возрождение Владивостокской епархии и ее современное положение // Христианство на Дальнем Востоке: Материалы междунар. науч.-практ. конференции / Хабаровская духовная семинария при поддержке правительства Хабаровского края. – Хабаровск: Хабаровская духовная семинария, 2006. – С. 145-150. – 0, 37 п. л.

7. *Ерохин В. В.* Роль схиигумена Алексия в распространении монашества на юге Дальнего Востока России // Приморские образовательные чтения памяти свв. Кирилла и Мефодия: сб. тез. и докл. Вып. V. – Владивосток : Изд-во Дальневосточ. ун-та, 2007. – С. 25-30. – 0, 45 п. л.

8. *Ерохин В. В.* Распространение Православия в Приморье (1854 – 1898 гг.) // Сибирь на перекрестье мировых религий: Материалы III Межрегиональной науч.-практ. конф. / Федеральное агентство по образованию, Новосиб. гос. ун-т, Ин-т истории СО РАН, Ин-т археол. и этнограф. СО РАН. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 2006. – С. 195-201. – 0, 41 п. л.

9. *Ерохин В. В.* Протоиерей Гавриил Вениаминов – первый начальник Амурской миссии // VI Приморские образовательные чтения памяти свв. Кирилла и Мефодия: материалы Всерос. науч.-практ. конф. – Владивосток : Изд-во Дальневосточ. ун-та, 2007. – С. 19-23. – 0, 66 п. л.

10. *Ерохин В. В.* Деятельность епископов Камчатской епархии по строительству церквей в Приморье // VII Приморские образовательные чтения памяти свв. Кирилла и Мефодия: мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. – Владивосток : Изд-во Дальневосточ. ун-та, 2007. – С. 28-34. – 0, 57 п. л.

11. *Ерохин В. В.* Проблемы распространения Православия среди корейцев и китайцев в Приморье во второй половине XIX – начале XX вв. // Православие на Урале. Исторический аспект, актуальность развития и укрепления письменности и культуры: мат-лы симпозиума с междунар. участием : V Славянский науч. собор «Урал в диалоге культур»: в 2 ч. – Ч. I. / Челяб. гос. акад. культуры и искусств; М-во культуры Челяб. обл. – Челябинск: Изд-во Челяб. гос. академии культуры и искусств, 2007. – С. 111-117. – 0, 39 п. л.

12. *Ерохин В. В.* Проблемы управления Владивостокской епархией в начале XX в. // VIII Дальневосточные образовательные чтения, посвященные памяти святых Кирилла и Мефодия: ч. I: Мат-лы Всерос. науч. конф. «Актуальные проблемы изучения истории и культуры Православия». – Владивосток : Изд-во Дальневосточ. ун-та, 2009. – С. 92-98. – 0, 54 п. л.

13. *Ерохин В. В.* Духовно-нравственные и социальные предпосылки открытия в Приморье первых монастырей во второй половине XIX – начале XX вв. // Сибирь на перекрестье мировых религий: мат-лы IV Межрегиональной науч.-практ. конф. / Федеральное агентство по образованию, Новосиб. гос. ун-т, Ин-т истории СО РАН, Ин-т археол. и этнограф. СО РАН. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 2009. – С. 164-169. – 0, 53 п. л.